

Излил поток смиреннейших молений:
«Краса красот, владычица всех стран,
Юпитерова дочь, чей муж – Вулкан!
Ты радуешь вершины Киферона!
О, ради давней нежности к Адону,⁸⁸
На горький плач мой с жалостью взгляни,
К смиренной просьбе слух свой преклони.
Увы! я слов достойных не найду,
Чтоб описать тебе свою беду.
Ах, сердце мук моих не выдает,
Я так смятен, что слов недостает.
Пресветлая, меня ты пожалей!
Ты знаешь злую скорбь души моей.
Все мудро взвесь и помоги, богиня!
Тебе клянусь, что я готов отныне
Всей силою служить одной тебе
И с девственностью в вечной жить борьбе,
Я в том клянусь, но помоги сперва.
Я взял оружие не для хвастовства
И не прошу на завтра ни победы,
Ни почестей, ни славы-непоседы,
Что вверх и вниз колеблется волной, -
Владеть хочу Эмилией одной,
До самой смерти только ей служа.
К ней путь мне укажи, о госпожа!
Мне все равно, как мы закончим прю:
Они меня иль я их поборю,
Лишь деву мне бы сжать в тисках объятий!
Ведь сколь ни властен Марс, водитель ратей,
Но в небе ты владеешь большей силой:
Коль ты захочешь – завладею милой,
Век буду чтить я храм твой за победу;
Куда я ни пойду и ни поеду,
Тебя не поминать я не смогу.
Но если ты благоволишь к врагу,
Молю, чтоб завтра погрузил копье
Арсита в сердце бедное мое.
Мне все равно, пусть я паду убитый,
Раз под венец она пойдет с Арситой.
Не отвергай моления моего,
Дай мне Эмилию, о божество!»
Свою молитву кончил Паламон,
И вслед за тем богине жертву он
Принес, прежалостно верша обряды,
О коих мне повествовать не надо.
И вдруг... качнулась статуя богини
И знак дала, что в силу благостыни
Услышан голос был его в сей раз.
Хоть знак отсрочивал блаженства час,
Но знал он: вняло божество мольбе,
И радостный вернулся он к себе.
Неравных три часа минуло там

---

⁸⁸ *Адон* – Адонис, по преданию, прекрасный юноша, любви которого добивалась Венера.